

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

ЯН БАДЕВСКИЙ

**МАСТЕР
НОЖЕЙ**

Роман

Москва, 2016

САРМАДА

&

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б15

Серия основана в 2004 году
Выпуск 622

Художник
С. А. Григорьев

Бадевский Я.

Б15 Мастер ножей: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 314 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2299-9

Преддверие. Мир-перекресток, планета, на которой Средневековье смешалось с эпохой паровых механизмов. Варварская Твердь и прогрессивные Облака, торгующие с пришельцами. Мастер ножей, изгнанный из своей гильдии, нанимается телохранителем к загадочному страннику и вскоре узнает о расе Посторонних и грядущей страшной войне. Что скрывается за Дверями и почему мастер ножей заинтересовал древних Демиургов?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ян Бадевский, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2299-9

Часть первая

ТВЕРДЬ

Глава 1

СЛУЧАЙ В ТАВЕРНЕ

«Таран» был лучшей таверной в Ламморе.

До этого дня.

Сейчас Старый Джеб, по слухам, собирается ее продавать. И со всеми пожитками перебираться в Инневен или куда подальше. Вот только ума не приложу, кто ее купит. Потому что теперь в городе никто не скажет: «Идем на «Таран». Заведение в упадке, его огибают стороной за три улицы. Джеб кормится за счет совсем уж редких гостей из отдаленных краев, где не слышали рассказней о том вечере...

Все началось с воздушной пристани.

Наш город издревле расположен на перекрестке воздушных потоков. И речь, как вы понимаете, не о западных ветрах, дующих в это время года. Через Ламмору проходит много транзитных путей. Пассажирских и грузовых. Еще раз подчеркну — транзитных. У нас никто подолгу не задерживается. Люди прилетают и улетают. А мы остаемся — с нашими кривыми улочками, ярусами каменных домов, громящихся на холмах, извилистыми лестницами, рекой, разрезающей город на две части, мостами и фонарями. С нашим вечным туманом, спустившимся с гор. Постоялыми дворами, представительствами гильдий и угрюмым Храмом Демиургов.

Я бы снес пристань, если хотите знать мое мнение. Своего сброда предостаточно, а тут еще и приезжий. Но это так. К слову.

А хуже всего то, что приезжают не люди.

Или не совсем люди.

А бывает — и вовсе невесть кто.

Пассажирский браннер причалил в тот день по расписанию. Существа размером с трехэтажный дом, сферической формы, накрытые крупноячеистой сетью, к которой крепятся стальными кольцами стропы, удерживающие вытянутую корзину, браннеры смахивают на тех глубоководных рыб, что продаются по воскресеньям на рынке — надутые шипастые мешки с выпученными глазами. Вроде дорогой деликатес.

Ранним утром из тумана выдвинулись две тени. Вторая, менее массивная, оказалась корзиной — длинным овоидом, оснащенным тускло светящимися в предрассветной мути иллюминаторами. Сверху к корзине прилепилась надстройка, предназначенная для команды погонщиков.

Браннер двигался медленно. Едва заметно. Раздался утробный звук: то ли существо переваривало пищу, то ли подавало какой-то сигнал. Корзина застыла в метре от посадочной площадки. В корпусе образовался провал — вход в тамбур. Из него выдвинулся трап, скользнул деревянным язычком к площадке и с глухим стуком опустился на нее.

Браннер завис.

Из открытой двери лился свет газовой лампы. На сходнях возникла тень погонщика с причальным канатом в руках. Привычным движением он набросил петлю на штырь, затянул в узел. И снова скрылся в тамбуре.

На площадку спустились трое. Их было трудно рассмотреть. Таможенник, делавший отметку в журнале прибытия, сказал позже, давая показания, что «их лица всякий раз другие». Мне понятно, что это охранная магия, очень сложная и дорогая, к ней прибегают немногие и в исключительных случаях. Расписавшись в отсутствии кладь, пришлые двинулись вниз по винтовой лестнице, ведущей в город. Они достаточно быстро нашли постоянный двор, где остановились, оплатив номер на неделю вперед. Я знаю этот двор

и его хозяина. «Уют», третьесортная ночлежка, в которой живут воры и всякое отребье. Малолетние шлюхи приводят сюда клиентов. Хозяин, не спрашивая грамот и документов, швырнул на стойку ключ. Троица молча поднялась наверх.

Вы спросите, откуда я все это знаю? Я ведь ничего не видел собственными глазами. Верно. Не видел. Добрые люди рассказали. А детали вроде швыряния ключа — работа моего воображения. Я хорошо изучил людей в городе и их привычки. Ремесло у меня такое. Я — мастер ножей.

Здесь придется сделать маленькое отступление.

Оговорку.

Мастер ножей есть в каждом городе. И всегда один. Профессия редкая, обучение долгое и трудное. Да еще природный дар нужен. Склонность к магии воздуха. И рунам. И разрешение нашей гильдии, как же без него. Когда город хочет получить мастера ножей, местный властитель или Совет старейшин делают запрос в Трордор, где живет наш магистр. А это, между прочим, за тридевять земель, на другом краю континента. Просьбу могут удовлетворить не сразу, а лишь через год или два. Это зависит от того, прошел ли обучение новый мастер. А еще луны и знаки должны одобрить связь города и мастера. Так что теперь вы понимаете, что всякий встречный-поперечный на это дело не годится. А также понимаете, насколько сильно я связан с Ламморой и как больно мне было, когда я ее покидал.

Но об этом позже.

Горожане привыкли думать, что мы куем ножи, пусть и дорогие, снабжаем их рунами и продаем. Конечно, это товар для элиты. Нужны звонкие монеты, базовые магические навыки и владение короткими клинками. Это не совсем так. Мастера ножей занимаются не только этим. Мы что-то вроде последней инстанции городских властей. Бургомистр или Совет прибегают к нашей помощи в экстренных случаях. Например, для поимки опасного преступника. Или охраны важного груза в дороге. Последнее, конечно, нежела-

тельно, мы ведь не любим покидать пределы своего города, но никто от таких заданий не застрахован.

А еще мы бережем Храм.

Вот в этом я вижу меньше всего смысла. Подумайте, кто в наш век нападает на Храмы Демиургов? Да и кто в них вообще ходит ...

Итак, наши гости поселились в «Уюте». Браннер простоял на приколе три часа и ушел без них. Хозяин двора впоследствии заявил, что постояльцы хлопот не доставляли. Они покинули комнату вечером, после смены второй стражи, и направились в «Таран», где в это время уже сидел я.

Если отмотать еще немного времени назад и переместиться в речной порт сразу после полудня, мы увидим, как вверх по течению, попрыгивая трубой, плывет катер. Энергия пара используется жителями Трордора. Там магия соседствует с наукой, очень странное место. В наших краях паровая машина — дикость. Так вот. Катер причалил к третьему пирсу и изверг компанию ничем не примечательных людей. Их было около десяти. Общались жестами, слов произносили мало. Двигались слаженно, так что всякому было ясно, что это отряд. Покинув порт, они разделились, слившись с толпой.

Так вот. Я в «Таране».

Вечер.

Собираются завсегдатаи. Подтягиваются портовые рабочие, наемники, гулящие девки, игроки в грабл. Заглядывают и обычные пьяницы. Изредка на пороге возникают стражники. Берут по кружке глинтвейна, не спеша выпивают, пристально оглядывая зал, и бредут дальше — нести свою службу.

Пью горячий травяной отвар. Как всегда. Из года в год. Джеб наливает мне его, не задавая лишних вопросов. Мой столик в дальнем углу таверны неизменно свободен. Это мой пост. Три часа я обязан отсидеть за этим столиком. Чтобы меня было легко найти.

И меня нашли.
Только не люди бургомистра.
Совсем другие... люди.

Посетителей становилось все больше. На улице моросил противный мелкий дождь, и горожане рассасывались по теплым закуткам. Пылал камин. Звон посуды, громкий смех, гитарные переборы. Как сейчас помню. Я встал из-за стола. Направился к стойке, чтобы заказать суп из древесных грибов и поджарку. В этот момент все и случилось.

Меня кто-то потянул за рукав.

Я замер.

Посмотрел вниз — и встретился взглядом с незнакомой мне женщиной. Она сидела в компании парней, которые мне сразу не понравились. Пахнуло от них чем-то *нездешним*, чужеродным. Словно не с Тверди они вовсе. А может, и не с Облаков, а откуда-то из-за горизонта... То было мимо-летное наваждение. Накатило, подобно приливной волне, и схлынуло.

Вот только меня по-прежнему держали за руку.

И этот пристальный взгляд.

— Мы знакомы? — спросил я.

— Нет.

Голос у нее был глухим. Приятным. Как и внешность. Стоп. Внешность? Запомнить ее не представлялось возможным. Стоило отвернуться — и перед тобой новый человек. С теми же осанкой и комплекцией, но неуловимо изменившимися чертами.

— Чем могу быть полезен? — Я все еще старался говорить вежливо.

— Сядьте.

Я не шелохнулся.

Ее голос был властным. А я не повиновался никому, кроме бургомистра Ламморы и руководства моей гильдии.

Женщина вздохнула.

И произнесла фразу, от которой меня мороз продрал по коже:

— Именем Завеи, Матери Ветров, заклинаю тебя, мастер ножей. Помоги.

Ноги подкосились.

Я сел.

— Тише. Не хватало еще, чтобы остальные услышали истинное имя нашего мира.

Женщина больше не держала меня за руку. Слова, подчиняющие таких, как я, были произнесены. От меня чего-то очень сильно хотели. Причем существа, которых я не знал, чьи намерения были от меня скрыты.

— Я шел заказывать еду.

Женщина улыбнулась:

— И закажешь. Но сначала выслушаешь то, что я скажу.

Я кивнул:

— Говори.

Мы незаметно перешли на «ты». Нас сблизила Завей, Мать Ветров и Перекрестков. Божество, которому поклонялись жители отдаленных уголков небесных архипелагов. Истинное имя нашего мира, имевшее надо мной власть. Теперь я обязан помочь — так меня учили. Это не является какой-то непреодолимой магией или подчинением разума. Нет. Просто каждый в гильдии с детства впитал мысль о том, что человек, знающий имя мира, вправе руководить нашими действиями. Заповедь, если хотите. Но заповедь, которую все мастера ножей свято соблюдают.

— Мы проездом в Ламморе, — начала она. — Завтра утром нас не будет. Скажем так — появится некто, и он нас заберет.

— Так в чем проблема? Я не проводник.

— Нам это известно. Нам нужна охрана.

Я скривился:

— От кого?

— За нами охотится отряд наемников. Они уже в городе. Возможно, в этой таверне. Вот все, что тебе нужно знать. Сделай так, чтобы я и мои спутники дожили до рассвета.

Она закончила.

И теперь испытующе смотрела на меня. Мы оба понимали, что у меня нет выбора. В силу традиций она получит то, что желает. Но были вещи, которые я знать все же хотел.

— Кто они?

Женщина пожала плечами:

— Тебя не касается.

— Люди?

— Из *вашего* мира.

— Они владеют магией? Чем вооружены? Сколько их?

Женщина задумалась.

— Мы предполагаем, что за нами идет около десяти человек. Обычные наемники. Без сверхспособностей.

Я кивнул.

И направился за своим супом. В это время в «Таране» служанку дожидаться нереально. И Джебу не до тебя — потоками льется выпивка. Проще положить деньги на стойку и самому забрать у повара свой заказ.

Остановился.

Потому как затылком почуял что-то неладное. Взгляд. И палец, замерший на спусковом крючке арбалета. Охранный амулет гильдии всегда сообщает мне о таких вещах. Болт еще не вспорол удушливое пространство таверны, но *предчувствие* уже поселилось во мне. Спасибо рунам.

Резкий разворот.

Я едва успел отбить стрелу кистевым щитком левой руки. Выбив искру, она срикошетила в соседний столик. Развалилась кружка с элем. Надо мной навис грозный бородастый детина с перекошенным от ярости лицом. Пришлось вырубить его ударом локтя в переносицу.

И выпустить первый нож.

Мужчина в дождевике, сидевший за три столика от меня, вскрикнул и поперхнулся собственной кровью. Еще один, успевший сесть на мое место и достать иглострел, начал выбрасывать руку в моем направлении. Я послал второй нож. В грудную клетку. И тут же выхватил из набедренных чехлов дуэльные ножи. Вовремя. Справа возникла

быстрая тень, оснащенная коротким мечом и топориком, который, вращаясь, отправился в полет к моей голове. Ушел с плоскости. Топор с хрустом вгрызся в стойку. Услышал, как отрывисто ругнулся Джеб.

Посетителей как ветром сдуло. Кто ломанулся к выходу, кто попрятался по углам да в стенки вжался. Правильно. Мне нужно место. И оценка противника.

Один, с мечом, уже рядом. Трое обходят сзади. Еще двое слева. Двигаются осторожно. Вскользь отбиваю рубящий диагональный удар, перемещаюсь на нижний уровень и вгоняю нож в живот незнакомого бедолаги. Выкручиваюсь ему за спину — так, чтобы падающее тело оказалось между мной и бравыми молодцами у стойки. Уклоняюсь от кастета, ломаю чью-то руку с тесаком, перерезаю сонную артерию. Рисую в воздухе руну возврата и перенаправления. Метательные ножи сами собой покидают мертвецов, чертят широкую дугу и выбирают новые цели. Взмах — и вновь кто-то рухнул на доски, заливая их кровью. Поддев носком сапога табурет, швыряю в лицо последнего непрошеного гостя. Три быстрых шага, обмен связками ударов в диагонали и вертикали, и дело завершено.

Мои подзащитные даже не дернулись помочь.

Жуткое, доложу вам, зрелище представляла собой таверна. Ни в сказке сказать, ни пером описать. Хотя перьев у меня внушительный набор...

Руна возврата.

Ножи, встряхнувшись от крови, как живые, метнулись к бедренным и поясным чехлам. С лязгом втянулись в кистевой щиток лопасти баклера.

Таверна наполнилась звуками: причитаниями Старого Джеба, истошными криками молодой девки, шумом дождя за окном.

Внутри уже вбегали стражи. В черненых доспехах, с обнаженными мечами. Их было много.

Если вы живете долго в этом несовершенном мире, то понимаете, что у любого явления есть двойное дно. И пра-

вильность ваших поступков в тот или иной миг проверяется временем. То есть последующим анализом события с различных ракурсов.

Мой ракурс не совпал с государственным.

Вперед выступил капитан Глиссад:

— Здравствуй, Ольгерд. — Его взгляд не предвещал ничего хорошего. — Тебе придется пройти с нами.

Компания, которую я столь эффективно оборонял, испарилась. Столик был пуст. Больше изменчивых посетителей никто не видел.

Глава 2 ДОМ С ФЛЮГЕРОМ

Странников никто не ждет.

Но они приходят в твой дом. Иногда задерживаются, иногда — нет. Чаще второе. Перекусят, обогреются — и прочь, в мир дорог, перекрестков и пыльных ветров. Оставляя тем, кто их приютил, тоску по дальним путешествиям, скрипу колес и дыму походных костров. Уж такие они странные люди. Странники.

Выдался солнечный, приятный во всех отношениях день.

На рассвете я встал, умылся, натянул рабочие штаны и холщовую рубаху. Час поупражнялся с ножами на манекенах. Место для тренировок у меня оборудовано на заднем дворе, рядом с кузницей. Грубо скроенные чучела, набитые соломой, вращающиеся столбы, ошетилившиеся деревянными обрубками и прикрученными к ним проволокой клинками, брусья, турник, импровизированные гири под навесом... Не знаю, зачем мне все это. Я ведь уже не мастер ножей.

Теперь я свободный фермер.

Солнце ползет к зениту. Ни облачка. Я пропалываю и окучиваю грядки с овощами. Выпрямляюсь. Отираю пот со лба тыльной стороной ладони. Отсюда открывается вели-

колепный вид на мой дом — двухэтажный, дуб и тесаный камень, с крутым скатом крыши, террасой, каминной трубой и флюгером, который я выковал сам три года назад. Обычные стрелки с буквами, обозначающими стороны света. Дом утопает в зелени сада. Вишни, яблони, абрикосы. Я не строил этот дом. И не сажил этот сад. Я все это купил. А затем начал расширять, достраивать и облагораживать.

Под кустом смородины, замотанная в рубаху, лежит фляга с водой. Разматываю. Пью. Разминаю суставы.

Дико хочется есть.

— Ольгерд!

Иду к воротам. Так и есть. У правого створа неуверенно переминается с ноги на ногу Валдис. Мой сосед, один из многих, с кем я общаюсь.

Снимаю грязную рукавицу и протягиваю ему руку.

— Спрашивали тебя, — говорит Валдис.

Пристально смотрю на него:

— Кто?

— Мужик какой-то. По виду — издалека.

Пожимаю плечами.

Может, клиент. Изредка у меня заказывают ножи. Отзвуки былой молвы. Приезжают из разных уголков королевства. Но, повторюсь, изредка.

— Где он сейчас?

— В корчме сидит. Прибыл в закрытом экипаже сегодня ночью. Прямиком на постоянный двор.

Молчу.

— Что делать будешь?

— Ничего. Захочет — придет. Я ни от кого не скрываюсь.

Валдис кашлянул.

— Что еще?

— Он сказал... что ему нужен мастер ножей. Он думает — это ты.

Во мне поднялась волна злости.

— Таких здесь нет.

Повернулся спиной к Валдису и побрел к дому.

Невежливо.

Сосед ведь ни в чем не виноват. Мне просто не доставляют радости воспоминания о последних днях службы в качестве ламморского мастера. Все, к чему меня готовили, рассыпалось в одночасье в тот злополучный вечер.

Помню, как стражники вели меня темными пасмурными переулками в резиденцию ярла Кима, наместника короля, с которым мы еще недавно сидели в одном пиршественном зале. За одним столом. Ярл не был моим другом, но симпатизировал мне.

Не в тот вечер.

Резиденцию выстроили на холме в центре города — так, чтобы она высилась над всеми постройками. Ну, может, за исключением воздушной пристани. Холм окружала высокая каменная стена. Наша процессия пересекла Мост Первого Вдоха, соединяющий резиденцию с городом, и оказалась в обширном внутреннем дворе. Где-то внизу шумела вода горной реки, впадающей в могучий Твельд. Передо мной громоздились пять этажей главного здания, барельефом выступающего из отвесной скалы. Справа и слева темно-синее небо вспарывали остроконечные башни, занятые городской стражей и личной охраной ярла. Уступы и парапеты резиденции выглядели зловеще.

Меня подвели к ступеням парадного входа.

Врата с утробным металлическим гулом разомкнулись.

На ступени вышел Ким. Неверный свет фонарей исчертил его морщинистое лицо тенями. Краем глаза я заметил лучников — на стене, в нижних бойницах башен и на третьем этаже.

Меня боялись.

И подтягивали к месту судилища дополнительные силы. В том, что это было судилище, я уже не сомневался. А укрепил меня в этом незнакомец в дождевике, маячивший за спиной ярла. Он одевался в точности как те ребята, что падали от моих клинков в «Таране».

Ким приблизился вплотную ко мне.

Глиссад предупреждающе поднял руку:

— Я бы не стал этого делать, ваша светлость. Он — мастер.

Ярл проигнорировал эту реплику.

— Ольгерд, — вкрадчиво начал он. — Я доверяю тебе. Ты знаешь.

— Да, ваша светлость. — Я склонил голову.

— Брось. У нас возникли определенные... проблемы. Ты убил людей. И это — не моя воля. Тебе не поручали этого.

— Нет.

— Так в чем дело, Ольгерд?

Ветер швырнул мне в лицо пригоршню дождя. И пригоршню грядущей неизбежности.

— В Завее.

Я кратко поведал о загадочной женщине и ее спутниках. Все это время человек в дождевике слушал и не вмешивался.

Ким вздохнул:

— Сколько видел зим, а все не могу взять в толк: почему представители вашей гильдии слепо подчиняются этой фразе?

— Нам нельзя иначе.

— Почему?

Я пожал плечами:

— Так заведено.

Вперед выступил человек в дождевике.

— Он прав, ярл. — Голос незнакомца был тусклым, ничего не выражающим. — Преступники использовали древнюю формулу, которой подчиняются все мастера его гильдии.

Ким слегка повернул голову:

— И что нам теперь делать? Он напал на служителей короля. По закону я должен его казнить.

Человек в дождевике пожал плечами.

— Тогда, — заметил резонно, — его гильдия перестанет сотрудничать с Ламморой. К тому же мастера ножей нельзя казнить. Таков обычай.

Ким хмыкнул:

— Тогда король казнит меня.

— Нет. Не казнит. Позвольте напомнить вам закон. В случае, если мастер Гильдии ножей делает что-то недозволенное, его ссылают. От его услуг отказываются, он перестает быть тем, кто есть. Ольгерд должен покинуть Ламмору. Через семь лет вы получите нового мастера.

Ким поморщился.

И перевел взгляд на меня:

— Прощай, Ольгерд. Ты служил городу верой и правдой. Но все люди совершают ошибки. Ты стал заложником своих рун и формул.

Таковыми были его последние слова.

Женщина, которую я защитил, оказалась разыскиваемой преступницей из другого мира. Она явилась через Дверь, расположенную где-то в Небесах. Как мне сказали позже, она украла нечто важное в своем мире и попыталась протащить это к нам. Даже дети знают, что подобное запрещено. А я вмешался. И должен понести наказание.

У меня забрали дом. Банк Ламморы заморозил мой счет. И в ту же ночь меня посадили в экипаж, следующий в одно из окраинных селений. В трехстах стадиях от Ламморы. Ким сохранил наши жизни, но мою судьбу он изменил навсегда.

Я помню те минуты, когда собирал вещи. Мне позволили взять мои клинки, инструменты и одежду. Затем я направился в подвал. Туда, где жил Рык. Все это время за мной неотступно следовал капитан Глиссад. Я подошел к массивной тисовой двери, обитой броневыми пластинами, и взялся за засов.

— Ты собираешься выпустить *его*? — в голосе Глиссада слышался панический ужас.

Я помедлил с ответом:

— Взять с собой.

— Нельзя.

Я резко развернулся:

— Это еще почему?

— Ты больше не мастер. Тебе не положен рлок.

Я смерил капитана стражи насмешливым взглядом:

— Правда? Может быть, ты его заберешь, Глисс? Поселишь рядом со своими детьми? Или отпустишь бродить по городу?

Глиссад открыл рот, чтобы возразить. А потом до него дошло значение только что сказанных мной слов. Я с удовольствием наблюдал за спектром чувств, сменявшихся на его лице. Недоумение, страх, паника, злость.

Наконец он сдался:

— Хорошо. Я подожду наверху.

Он с видимым удовольствием покинул подвал.

Я сдвинул засов и распахнул дверь. На меня пахнуло тьмой, холодом, псиной и сырым мясом.

Послал мысленный сигнал. Хозяин пришел.

Из глубины комнаты донеслось утробное урчание. Затем — клацанье когтей по каменному полу. В коридор выдвинулась морда — оскаленная лохматая морда твари, которой пугают детей перед сном. Пасть, усеянная рядами острых клыков, длиной не уступающих моим ножам. Льдистоголубые глаза с вертикальными зрачками. Белая как снег шерсть. Мощная грудь и лапы.

Встречная волна тепла.

Ментальная волна.

Передо мной стояло самое опасное существо континента. Полярный рлок. Гибрид, выведенный и прирученный древними охотниками Гипербора и взятый на вооружение Гильдией ножей. Хищник, созданный для охоты на других хищников. Вершина сухопутной пищевой цепочки. Рлоков в этом мире немного, они хорошо убивают, но плохо размножаются в естественных условиях. А еще они обладают некоторыми *психическими* способностями. Растут вместе со своим хозяином, привязываются к нему плотно и навсегда. Могут прожить не одну сотню лет — само совершенство.

Вот только если хозяин умирает — умирает и его рлок. Медленно чахнет. Не пьет и не ест. Пока не издохнет. Такова природа этих чудовищ.

Я дал ему имя.

Рык.

И эта кличка полностью соответствует монстру, способному объединить звук и кинетическую ярость в одно целое — чтобы снести любую преграду на пути. Кому, как не мне, знать, что стальной дверью его не остановишь.

Мой единственный друг в Ламморе.

Так получилось.

Друг детства. Друг навсегда.

В холке рлок почти мне по грудь. Ему жарко во всех городах ниже полярного круга, поэтому я селю его в подвалах. Эти создания неприхотливы. Когда не спят и не едят — их разум витает в окружающих пространствах. Рыщет в поисках жертвы.

Горе тому, кого рлок выберет целью.

Или выберет его хозяин.

Я почесал тварь за ухом. И меня наградили мысленным прикосновением.

— Пойдем, Рык. Мы уезжаем.

Глиссад вжался в стену, когда мы проходили мимо. Рык попробовал на вкус липкий страх, стекающий с капитана стражи, и поделился его частью со мной. Глиссад — хороший солдат. Закаленный в боях и не из робкого десятка. Просто у него в детстве была няня. И व्यужными вечерами она рассказывала ему жуткие сказки про рлоков.

А в моем детстве вместо няни был рлок.

Нас не провожали. Все знали, что я не вернусь.

...Ламморская ночь отшатнулась, и меня окружил жаркий день Мглистого Брода — моего последнего пристанища. Я заметил, что стою на террасе, держась за ограждение и уставившись в зелень сада.

Воспоминания схлынули.

Пошел к колодцу. Налег на ворот, вытащил ведро с водой. Жадно испил. Вымыл руки, лицо, шею.

И понял, что не один.

На террасе — седой мужчина лет пятидесяти. В поношенной дорожной одежде и островерхой шапке. Стоял вполоборота, я видел заплечный мешок. Опирался на посох. Правда, посох не похож на те, что используют волшебники. Скорее шест. Длинный, прямой. Без набалдашников, амулетов и прочей чепухи.

Я заглянул в его серые глаза.

И прочел путь.

Глава 3

КОЭН ИЗ ПРЕДЕЛЬНЫХ ЧЕРТОГОВ, СТРАНСТВУЮЩИЙ ПОСРЕДНИК

У меня нет оружия.

Если он нападет — я не готов. Это первая мысль. И вдогонку — вторая. Хотел бы убить — убил. В спину, пока я тащил ведро. Но явился путник не за тем. Издалека примчался к изгнаннику, у которого нечего взять.

Мы изучали друг друга.

Целую вечность.

Затем он снял шапку в приветствии:

— Мир тебе, Ольгерд.

— И тебе мир, путник. Кем бы ты ни был.

Солнце достигло зенита. Близилось время обеда.

— Пригласишь в дом?

— Разумеется. — Я изобразил радушную улыбку. — После того, как ты назовешь свое имя, гость.

Он понимающе кивнул:

— Коэн. Зови меня так.

В голосе — легкая тень иронии. Вряд ли имя настоящее. А если даже и так — все равно оно ничего мне не даст. Я ведь обычный фермер и за событиями Тверди не слежу.

Все, что меня интересует, — урожай картофеля и баклажанов.

Принимаю правила игры.

— Ты у меня в гостях, Коэн. Располагайся.

Я усадил его в плетеное кресло на террасе и принес из погреба кувшин холодного пива. Затем отправился на кухню, извинившись за отсутствие слуг. Развел огонь в очаге. Разогрел рагу с мясом и фасолью, нашинковал овощей в салат, разложил все по тарелкам и вместе с пшеничными лепешками поместил на медный поднос.

Коэн встретил меня дежурными хвалебными фразами о радушии здешних фермеров. Мы выгрузили все на низкий дубовый столик и принялись за еду. Коэн, казалось, уплетал все с не меньшим аппетитом, чем я. Вот только мысли его блуждали далеко. Он готовился к серьезному разговору. Я ждал. Наконец, разлив остатки пива по кружкам, я откинулся в кресле. Внезапный гость последовал моему примеру.

— Благодатный край. — Коэн огладил свою черную с проседью бороду, заплетенную в две косы. — И люди хорошие. Умельцы. — Говоря это, Коэн смотрел как бы сквозь меня. — В корчме болтают, будто здесь поселился мастер ножей.

Вот ты кто. Любитель дорогих рунических клинков. Так бы сразу... Но за работу мне браться нынче не с руки. Подумав, я решил спровадить пришельца восвояси:

— Всякое болтают, Коэн.

Он отхлебнул пива:

— Верно.

— У нас есть кузнец, — заметил я. — Если тебя интересуют клинки, он выкует все, что захочешь.

— Славный малый, — улыбнулся Коэн. — Но это не совсем то, что я ищу.

Настырный.

— Чего же ты ищешь?

— Кого, — поправил странник. И многозначительно посмотрел на меня. — Я ищу Ольгерда, мастера ножей из Ламморы.

Все. Маски сняты.

И во мне вскипела ярость.

— Здесь, — процедил я, — таких нет.

В его взгляде была насмешка.

— А кто есть?

— Фермер Ольгерд.

Коэн хмыкнул:

— Вот как. Но ведь прежде ты был мастером.

— Прежде.

Коэн резко выпрямился. Все в нем неуловимо переменялось. Маску добродушия сорвали чьи-то невидимые пальцы. Черты лица исказились. Теперь он смахивал на разбойника с большой дороги. И этот разбойник собирался атаковать. Его посох взметнулся над головой и описал размашистую девятку.

Путник не оставил мне выбора.

Я встал с кресла. И отскочил, разрывая дистанцию. Распростер руки — и ножи, скрытые в чехлах за потолочными балками, скользнули в них. Привычный холод рукоятей, еще не нагретых боем.

Мой противник выбросил вперед левую руку, посылая огненное заклинание. Три косых взмаха — отбил пламя простейшей защитной руной. Шар изменил траекторию, унесся в сад и озарил его яркой вспышкой.

И вновь все переменялось.

Посох перестал быть оружием. Странник перестал быть разбойником. Он стоял передо мной и довольно ухмылялся.

Я понял, что меня разыграли.

— Прежде, — повторил он. — Никаких «прежде». Ты всегда будешь мастером. В Ламморе или другом городе. Не важно.

Отправил ножи к балочным чехлам. Не сговариваясь, мы оба возвратились к столу и заняли свои места.

— Если ты знаешь, кто я, — долгий глоток из кружки, — то знаешь мою историю. То, как меня изгнали.

Он кивнул:

— Знаю. И то, что вы в гильдии полагаете, будто намертво привязаны к городу, в который вас послали служить, и к его Храму, тоже знаю. Но вот скажи мне: ты не задумывался, почему тебя изгнали из Ламморы, но при этом не исключили из гильдии?

Я уставился на гостя.

А ведь верно. Никаких вестей из Трордора о том, что я больше не член Гильдии ножей. Гробовое молчание.

— Нет города, нет Храма — и ваши навыки пропадают, а руны слабеют. Так вы думаете.

— Так было всегда, — сказал я.

И осекся.

Коэн понял все по моему выражению лица.

— Ты видел все сам. Твои навыки никуда не пропали. А значит, тот, кто тебя учил, изволил солгать.

Я сжал зубы:

— Осторожнее, путник. Мы говорим о высших наставниках Трордора.

Коэн поставил кружку и придвинулся ближе к столу:

— А наставник рассказывал тебе, зачем нужно стеречь Храм? И почему Храмы стоят в каждом городе?

Я напряг память.

Бесполезно.

— Когда-нибудь, — голос Коэна понизился, — ты узнаешь об этом. С моей помощью.

— Но не сейчас, — хмыкнул я.

Он улыбнулся:

— Не сейчас. Для этого придется пройти долгий путь. Я предлагаю тебе пройти его со мной, Ольгерд из Ламморы. Разумеется, за достойную плату.

— Стать наемником, — уточнил я.

— Да. Ты будешь охранять меня в бесчисленных странствиях.

Качнул головой:

— Мы — не наемники.

— Уже «мы», — ситуация, казалось, забавляла путника, — шаг вперед, поздравляю.

— Хватит ерничать. У нас есть обязательства.

Коэн выпрямился. Оперся на посох.

— Не спеши с ответом. Ты теперь никому не служишь. И смысла в твоей жизни не больше, чем в баклажанах на твоих грядках. Вместо этого ты обретишь стабильный доход, вернешься к привычному занятию, повидеешь свет. И, вероятно, получишь ответы на некоторые вопросы. Те, что мучают твой ум годами.

Он двинулся к ступенькам. Поравнявшись со мной, добавил:

— Если изменишь решение — я жду тебя на постоянном дворе. До утра. Завтра я намерен покинуть ваше селение.

С этими словами путник ушел.

А я остался. Наедине с полуденным солнцем, лениво скатывающимся в закат, и своими невеселыми мыслями. Спустя час, сбросив оцепенение, я направился в дом. В холле, у северной стены, нагнулся, схватил тяжелое бронзовое кольцо и откинул крышку погреба. В лицо пахнуло морозной заполярной ночью. Сняв с крюка медвежью шубу с капюшоном и облачившись в нее, я осторожно начал спуск. Из моих ноздрей и рта вырывался пар. Легкие негодовали. Ноги, предусмотрительно обутые в меховые унты, с хрустом топтали снег, который покрывал каменные ступени лестницы. Примерно на середине пути я задержался, чтобы достать из потаенной ниши факел и, чиркнув огнивом, зажечь его. Языки пламени очертили контуры коридора, заплясали тенями на неровных гранитных стенах.

В моем подвале спряталась зима.

Ненастоящая, конечно. Ее мне организовал проезжий маг, подчинивший себе стихии воздуха и воды. Этот погод-

ный фокус обошелся мне в кругленькую сумму. Зато Рык жил в комфорте. Изредка, по ночам, я выпускал его поохотиться. Не на людей, разумеется. Чаще его беспокойный разум рыскал в окрестных лесах и заглядывал в соседские дома. Но никого не трогал. Ибо таков мой приказ.

Сейчас я собирался его покормить.

Ведро с мясом, утопая в сугробе, покоилось справа от бронированной двери. Тут же, на деревянных полках, до самого потолка громоздились разделанные туши диких коз, кабанов и прочей живности.

Рык не питался овощами.

Мясо — вот все, что его интересовало.

Сдвинул засов и толкнул дверь. Поддалась с трудом — за сутки ее основательно завалило снегом. И откуда он только берется?

Вошел.

Просторная комната, снежные наметы. Вместо каменного потолка над головой — острые шипы северных звезд. И резко очерченные полумесяцы лун. Куда ни глянь — одно и то же. Бесконечная тундра. Очертания стен и углов почти незаметны. Отменно поработал маг, что и говорить. Цену заломил знатную, но то, что меня окружает, выше всяких похвал.

Рык подбежал ко мне.

Обменялись мысленными приветствиями.

Нет, его не обмануть иллюзиями. Он понимает, где находится, но благодарен мне за осколок родного края.

И за мясо.

Смотрю, как рлок ест, вгрызаясь в мерзлую плоть. Процесс не затянулся — ведро опустело в два присеста.

Посылаю ему образ Коэна. И картины длинного неведомого пути. Ты скоро покинешь уютный подвал, друг. Утро может застичь нас там, где жарко.

Рлок скалится.

Какая разница, друг. Там свобода. Там леса и просторы. Там мои жертвы. Отбрось колебания. Ты знаешь, мой разум давно уже там. А когти и клыки отстают.

Мы решаем.

Я поворачиваюсь к Рыку спиной и бреду прочь. Цепочка следов на снегу ведет к горизонту, в который врезан прямоугольник двери. Над звездами и лунами распластывает крылья северное сияние.

Меня провожают глаза зверя.

Дверь выглядит совершенно инородно в подвальном пейзаже. В моей правой руке факел. В левой — пустое ведро.

Снаружи сумерки.

Остаток вечера я провожу с кувшином пива и воспоминаниями. Небо окрашивается оттенками красного. Мне не дает покоя одна мысль: кто этот путник? Не разыскивают ли его королевские тайные службы? Все это время я жил с надеждой, что меня простят и вернут в Ламмору. Или магистр пришлет из Трордора новое назначение. Но годы шли, и надежда таяла. Ни вестовых, ни почтовых голубей. Про меня забыли.

Ты никому не нужен, кроме этого путника.

Отбросив сомнения, я пошел спать. Долго ворочался с боку на бок. Окно следило за мной суженными зрачками двух видимых лун. Уснул я далеко за полночь.

С первыми проблесками зари был на ногах.

Упаковал в большой заплечный рюкзак белье, инструменты и запасной набор ножей. Подумав, уложил туда комплект теплой одежды. Второй тюк забил солониной, копченой колбасой, сухими лепешками, крупами, солью и специями. Взял огниво и маленький топорик для рубки дров. Примотал к рюкзаку походный котелок и мех с колодезной водой.

Теперь надо одеться.

Широкие штаны, холщовая рубаха. Легкие сапоги. Кистевые щитки, один из которых раскладывается в баклер, — подарок трордорских умельцев. Кожаный нагрудник с нашитыми чехлами — для метательных ножей с простым металлическим обухом. Кривой керамбит с кольцом-шипом и

двусторонней заточкой — в поясные ножны за спиной. Нож-кастет — на голень. Неразлучную пару дуэльных клинков — на бедра. Завершающий штрих — грязно-серый неприметный плащ, скрывающий все мое снаряжение.

Смотрю в зеркало.

Среднего роста человек, худой, с короткой стрижкой. Никакой зримой угрозы. Впечатление серьезного бойца я не произвожу. Так и надо.

Выхожу за ворота.

Дом мирно отдыхает в рассветной полумгле. Надо бы попросить Валдиса присмотреть за ним. Но тогда придется рассказать ему, что я уезжаю. И он догадается — с кем. Что для моего нанимателя нежелательно.

Экипаж, запряженный четверкой лошадей, подан к самым дверям постоялого двора. Возница дремлет на передке — здоровяк с двуручным мечом за спиной.

Коэн ждет, прислонившись к столбу навеса.

— Я не сомневался в тебе, парень.

Рукопожатие.

— Мы отправляемся сейчас? — Я критически осматриваю экипаж. Двухэтажный, с лесенкой, ведущей на крышу.

— Да. Смотрю, ты без поклажи.

— Верно. Надо захватить ко мне. Видишь ли... я не совсем один.

Коэн хлопает меня по плечу:

— Твой лохматый друг.

Пора прекратить чему-либо удивляться. Мой работодатель, кажется, знает все.

— И без него, — продолжает Коэн, — ты никуда не поедешь. Вы вместе росли и все такое.

Мне остается лишь кивнуть.

— Что ж. Лютый зверюга всегда пригодится в пути. Садись.

Он любезно распахивает передо мной дверцу.

Внутри экипаж *значительно* просторнее, чем казался на первый взгляд. Тут явно не обошлось без магии, раздвигаю-

щей пространство. Очень сложной магии, с которой мне не доводилось раньше сталкиваться. Мы оказались в роскошном кабинете, освещенном лампами с *жидким пламенем*, с широким кожаным диваном, парой кресел, шкафом и письменным столом. На передней стене висела подробная карта континента.

— Располагайся.

Экипаж тронулся.

Мы разместились в креслах. За окнами проплывали пыльные улочки Мглистого Брода.

Коэн откашлялся.

— Прежде чем ехать дальше, мы уладим мелкие формальности. — Сказав это, он приблизился к письменному столу. Достал из ящика серый свиток с неизвестной мне гербовой печатью. — Это контракт. Внимательно прочитай. И подпиши, если со всем согласен.

Он протянул свиток.

Я взял документ и расправил на коленях. Вначале было скучно. Потом начались «ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН». Я должен сопровождать работодателя в «любую точку пространства нашего и иных миров», защищать его от всех видов угроз «всеми доступными мне способами». Не сообщать третьим лицам о его планах, не сотрудничать с третьими лицами одновременно с выполнением основных обязанностей. Добросовестно выполнять приказы в случае, если они не противоречат моим моральным принципам и соображениям личной безопасности. Коэн, в свою очередь, обязуется своевременно выплачивать мне жалованье в размере ста крон в неделю, несет расходы по питанию и проживанию на постоянных дворах, прислушивается к моему мнению в вопросах охраны. В разделе «ПИТОМЕЦ» оговаривалось, что принадлежащий мне рлок не имеет права есть случайных прохожих и деловых партнеров нанимателя, а также самого нанимателя и его слуг. Наниматель предоставляет питомцу «временную среду обитания». Контракт действителен до тех пор, пока одна из сторон не пожелает

его расторгнуть. Ниже следовал перечень санкций, которые ко мне могут применить в случае грубого нарушения условий, изложенных в документе: от лишения премиальных до умерщвления жуткими методами. В конце значилось: «Коэн из Предельных Чертогов, странствующий посредник». И стояла размашистая подпись.

— Справедливо. — Я шагнул к столу. Взял перо, обмакнул в чернильницу и подписал контракт.

Коэн забрал свиток. Свернул, перевязал серебряным шнуром и убрал в один из выдвижных ящиков.

Экипаж остановился напротив моего дома.

— Времени мало, — сказал странствующий посредник. И тронул скрытый рычаг под столом. В полу кабинета образовался черный провал. Потянуло холодом. — Апартаменты для твоего четвероного товарища.

Основательная подготовка.

Не знаю, кто передо мной. И чем мне грозит неожиданное сотрудничество. Но этот человек вызывает невольное восхищение.

Я покинул экипаж.

Чтобы вывести Рыка из подвала и забрать тюки.

И в последний раз взглянуть на свой фермерский домик, сад и скрипящий на крыше флюгер.

Глава 4 КРУМСК

Едва Мглистый Брод скрылся из виду, Коэн скинул сапоги и завалился на диван. Пейзаж за окном страдал провинциальным однообразием — бескрайние возделанные поля, зубчатая кромка леса на горизонте и ясное безоблачное небо. Кони мчались по запущенному Эрнскому тракту, ведущему в Озерный край, однако пыль в экипаж не проникала и тряска не беспокоила нас. Рык спал на нижнем ярусе, под полом нашего кабинета — там было еще просторнее,

чем в моем подвале. Без излишеств наподобие искусственной зимы, зато довольно прохладно.

— Как ты это делаешь? — вырвалось у меня.

Коэн недоуменно посмотрел в мою сторону:

— Что именно?

— Изменяешь мир внутри кареты.

Он хмыкнул:

— Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов.

— Пятое измерение?

— Лучше не спрашивай.

И я последовал его совету. Он ведь не интересовался, как я кую ножи или работаю с рунами. Хотя, возможно, все знал об этом.

Некоторое время мы ехали молча. Потом Коэн уснул.

Я выбрался на крышу через потолочный люк, поднявшись по скобам, вбитым в стену. Угрюмый возница искоса взглянул на меня, но не проронил ни слова. Я уселся чуть поодаль, поджав ноги и держась за ограждение. Крыша была теплой.

Между тем тракт обступила густая чаща. Редкие просветы сменились шевелящейся на ветру сплошной бурозеленой массой.

Мы ехали в Озерный край. Что там могло понадобиться моему нанимателю? Места зловещие и странные, лежащие у западных границ королевства. Торговцы и путешественники подолгу не задерживаются в тамошних селениях и городах. Земля слухами полнится, и не все эти слухи добры. Дикие охоты, заброшенные замки и урочища с просыпающейся время от времени тьмой. Исчезающие торговые караваны да перевертни, живущие рядом с людьми, а порой и заключающие с ними браки. Древний Орден Изменчивых. Массовые жертвоприношения. Капища на берегах рек. Огненные обряды. Ворожей, славящиеся своими приворотными зельями. Что в этих слухах правда, а что ложь — одна За-

веза разберет. Но я бы предпочел объехать те земли стороной. Решаю, однако, не я.

Над нами пролетел ворон. Опустился на ветку сосны. Слегка наклонил голову и внимательно посмотрел на экипаж. От взгляда этой птицы у меня мурашки побежали по коже. Словно и не птица это вовсе. Словно кто-то другой смотрел на меня черными бусинками глаз.

— Как тебя зовут? — спросил я возницу. Хотелось отвлечься от дурных мыслей разговором.

Собеседник ответил не сразу:

— Грорг.

Глухой бас. Грорг со спины производил впечатление горы мышц, сталкиваться с ней в бою не хотелось. Ростом он был на две головы выше меня. Да и меч ему под стать — двуручная махина с широченным лезвием и рукоятью с мой локоть. Если вытянуть пальцы. Под плащом угадывались контуры наплечников, а когда задирался рукав, я мог видеть краешек кольчуги. Грорг был усат и бородат. Таких парней можно встретить на Белом взбережье, там, где ночь тянется полгода и даже летом порой лежит снег. Встречаются такие парни и на быстроходных дракхах, чьи борта украшены разноцветными щитами. Банды варваров, волной обрушивающихся на портовые города, предающие материковые селения огню и мечу. Грабители, насильники и прирожденные убийцы.

Правда, те ребята предпочитают секиры.

— Ольгерд, — представился я. — Откуда ты?

Возница цокнул языком и подстегнул лошадей.

— Остров Родерек. Ты не знаешь.

Я хмыкнул:

— Отчего же. Знаю. Там все еще правит Хлодрик?

— Хлодрик погиб в Лесистых фьордах. Власть у Норума Кривого, его брата.

Я вздохнул:

— Жаль. Он был другом нашей гильдии.

— Всем жаль. — Голос Грорга помрачнел. — Норума боги не наделили ни мудростью, ни силой. Зато мерзостью наполнили его палаты.

Здоровяк сплюнул.

До меня вдруг дошло, почему он подался в услужение к Коэну. Мой наниматель выискивал по всему миру изгнанников. Тех, кто не угодил своему властителю. Кого не держали обязательства, дом и семья. Однажды за кружкой эля я выслушаю его историю.

— Куда мы держим путь?

— Крумск.

— Ты слыхал о нем?

— Слышал.

— И что думаешь?

— Мне платят не за то, чтобы думать.

Понятное дело, не за то. И не за то, чтобы править повозками. Скорее за то, чтобы кроить черепа и рассекать напополам людей. Или нелюдей. Кто подвернется.

Мы скакали весь день и всю ночь, поочередно с Гроргом сменяя друг друга на передке. А затем — еще трое суток. Дважды останавливались в захудалых корчмах, чтобы дать отдохнуть лошадям, перекусить и справить нужду. Ели молча. Охотники и прочие лихие людишки косились на нас, но цеплять не отжались. Думаю, благодаря свирепому виду северянина. Рыка я кормил сырым мясом, купленным тут же, у корчмарей. Взять в толк, почему я не хочу его прожарить и полить соусом, они не могли. Но продавали.

В Крумск мы въехали утром пятого дня.

Тракт обрел человеческий вид, вымостился камнем и обзавелся верстовыми столбами с указателями. Именно верстовыми. Так здесь, в приграничье, измеряли расстояния.

Город был обнесен крепостной стеной. И вовсе не деревянной, как утверждали злые языки. По всему периметру через равные промежутки высились квадратные в сечении сторожевые башни.

Ворота оказались открыты.

Ветер гонял пыль по мостовым. По извилистым улочкам слонялись полусонные дружинники князя Ратимира, торговцы, служанки и усталые гуляки. Все как в обычном городе. Дома каменные и деревянные вперемешку, с островерхими двускатными крышами и кирпичными печными трубами. В центре, рядом с замковой горой, высилась воздушная пристань. Интересно, почему странствующий посредник не пользуется браннерами? Куда безопаснее, чем наземные тракты. И куда быстрее.

Должен признать, никакой жути в Крумске я не заметил. То ли врут байки, то ли сказки сказывают про удаленные озерные городки.

На постоялом дворе «Дымный горшок» было людно. Стойла и конюшни забиты почти до отказа. Из-за повозок и экипажей не протолкнуться. Однако, стоило Коэну открыть кошель, ситуация коренным образом переменялась. Крестьянина, торгующего медом, взашей вытолкали прочь и велели искать иное место для постоя. Моментально освободилась парочка смежных комнат на втором этаже. В очередной раз я убедился, что звонкие монеты по силе воздействия ничем не уступают магии. Владелец «Горшка» всячески старался нам услужить и даже предоставил Коэну мальчишку-посыльного для особых поручений.

— Послушай-ка, любезный, — обратился к трактирщику Коэн. Мы поднимались по узкой лестнице наверх. — У вас ведь в городе есть мастер ножей?

— А как же, — обиделся тот. — Чем мы остальных-то хуже?

— Значит, — Коэн понизил голос, — вы знакомы с рюками.

Трактирщик вздрогнул. Выглядело это при его коллекции комично. Трясущийся мешок с жиром.

— Доводилось видеть, — залепетал наш хозяин. — Жуткая тварь. Рыщет ночью по улицам, честных граждан пугает. Но вы не волнуйтесь. Витеслав редко его выгуливает. И не в нашем районе.

— А чего бояться, — сказал я. — У нас свой есть.

Мы стояли на площадке второго этажа. Трактирщик переводил затравленный взгляд с меня на Коэна. Снизу раздавалась увесистая поступь отставшего Грорга.

— Но, — Коэн вложил в потную ладонь хозяина горсть золотых монет, — ты его *почти* не будешь видеть. А если и увидишь — тотчас забудешь.

Толстяк часто закивал:

— Конечно... Непременно... Как вам будет угодно...

— Чудесно, — оборвал его излияния Коэн. — Веди нас в покои.

«Покои» не страдали избытком роскоши, но нам этого и не требовалось. Не тесно, три кровати, ниша с рукомоϊником, грубый шкаф и комод, крепкий стол, добротные стулья с деревянными спинками. Скрипучие половицы. Я выглянул в окно: балкон, кадка с чахлым растеньицем и лестница черного хода. Отлично. Вот как я протащу сюда рлока...

Едва за гостеприимным хозяином захлопнулась дверь и мы остались втроем, Коэн заговорил, обращаясь ко мне:

— Рассчитываю на твоего зверя, Ольгерд.

Я ждал.

— Понимаешь, — продолжил мой наниматель, — мы здесь можем задержаться на несколько дней. Мне нужны кое-какие сведения. И, знаешь ли, нами кое-кто интересуется. Если интерес приобретет нездоровый характер... я возлагаю надежду на твои ножи, меч Грорга и клыки...

— Рыка, — подсказал я. — Так его зовут.

— Да. Рыка.

Он шагнул к двери.

— Ты куда? — спросил удивленно.

Коэн обернулся:

— У меня дела. В городе.

Я покачал головой:

— Так не годится. Я отвечаю за твою жизнь. Значит, обязан сопровождать.

— Это нежелательно. Ты услышишь вещи, которые лучше не слышать.

— Мне плевать. Ты платишь мне за защиту. Я не люблю получать деньги задарма.

Секунду Коэн колебался.

Потом смирился:

— Ладно. Грорг займется нашим багажом. Иди за мной.

Мы вдвоем покинули комнату. Спустились по лестнице на первый этаж, пересекли обширный холл с очагом в центре, дым от которого тянулся к отверстию в крыше. В дальнем углу холла размещалась стойка, где жена трактирщика разливала эль и раскладывала еду по тарелкам. Нескладные и некрасивые служанки сновали меж столов, доставляя все это постояльцам. Кто-то играл на флейте. Мелодия сопровождала нас до самой двери.

— Как тебе Крумск? — спросил Коэн.

Я пожал плечами:

— Много слышал о нем.

Выйдя с постоялого двора, мы сразу свернули в одну из боковых улочек. Очень узкую, двоим не разойтись. Окна — на уровне второго этажа. Балконы почти смыкались над головами, кое-где между ними протянулись бельевые веревки, на которых сохла выстиранная одежда.

— Да, сказки об Озерщине. — Коэн уверенно ориентировался в каменном лабиринте. — Оборотни, ворожеи и прочее. Сам что думаешь?

— Нет дыма без огня.

Посредник расхохотался. За нашими спинами добрая женщина выплеснула в проулок помои.

— Правильно. Весь фокус в том, что Крумск — это еще не Озерщина. Последний оплот цивилизации, чей князь — вассал вашего короля. Как и ярл Ламморы. Которому подчиняется бургомистр.

— И что?

— А то. Мощные дороги, каменные дома, воздушная пристань. Постоялые дворы, банки и ростовщики. Лавки, Храм, представительства гильдий. Все прелести привычно-

го мира. Они закончатся, когда мы въедем в заповедные пущи на западе.

— Это случится?

— Да. Скоро.

Мы выбрались на рыночную площадь и теперь проталкивались сквозь толпу галдящих покупателей. Мимо лотков с едой, дешевыми тряпками, пряностями, дублеными шкурами и мехом, воском и свечами, плетеными корзинами и сумками, скобяными изделиями и оружием, глиняной и керамической посудой — к улице, ведущей в сторону замка. Я внимательно посматривал по сторонам — в таких местах водятся уличные воришки.

Наконец мы пересекли площадь и вновь углубились в городские ущелья. Правда, теперь они были шире и выглядели приличнее. Один раз мне почудилась крылатая тень, но, подняв голову, я увидел лишь полоску неба, сжатого балконами и черепичными крышами.

— Мы идем к князю? — не выдержал я.

— Слишком много вопросов для телохранителя.

— Ты обещал на них отвечать.

За следующим поворотом нас ожидала широкая улица, опоясывающая замковую гору. Справа и слева теперь вздымались дома знатных горожан — с роскошными фасадами, широкими окнами и террасами, увитыми плющом, мраморными балюстрадами и аккуратными жестяными водостоками. Солнце скрылось за шпилем воздушной пристани, к которой сейчас причаливал браннер. Мы попали в престижный район Крумска.

— Да. У меня дела с Ратимиром. Я ведь посредник, не забыл?

Больше я вопросов не задавал.

Мы свернули в переулок, поднялись по гранитным ступеням с пробивающейся кое-где травой и оказались на дорожке, проложенной вдоль замковой стены. Отсюда открывался шикарный вид на море красных и оранжевых крыш, проплешины площадей и росчерки улиц.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ТВЕРДЬ	5
Часть вторая. ОБЛАКА	127
Часть третья. ТРОРДОР	231
<i>Эпilog</i>	308